

Воспоминания современников

Максимилиан Волошин. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников.

Составление, вступительная статья, подготовка текста и комментарии З. Д. Давыдова, В. П. Купченко

М., "Правда", 1991

[OCR Бычков М.Н.](#)

СОДЕРЖАНИЕ

Елизавета Кривошапкина. Веселое племя "Обормотов"

Эмилий Миндлин. Из книги "Необыкновенные собеседники"

Евгений Архиппов. Коктебельский дневник

Лидия Аренс. О Максимилиане Александровиче Волошине и его жене Марии Степановне

Елизавета Кривошапкина

Веселое племя "Обормотов"

...С осени 1913 года, Крым вошел, в мою жизнь, вошел навсегда. Я живу у папиного брата, дяди Рудольфа {Редлих Рудольф Морицович -- фотограф, художник-любитель.}, и учусь в седьмом классе частной гимназии в Феодосии. Дом, в котором я живу, покрыт розовой черепицей и стоит над городом и синей бухтой. За ним по некрутому склону поднимается несколько мазанок слободки, а дальше -- гора, белая известковая и полынная земля. Пройдешь минут пять по узкой каменной тропинке -- и уже начинаются заросли кизила и редкие виноградники за сложенной из камней оградой под теплым небом. Дом окружен любовно выращенным садом. Когда наступала весна, морской ветер качал высокие тополя и шевелил цветы миндаля, персиков и абрикосов. Давным-давно, еще в пору дружбы с Айвазовским, дядя начал строить этот дом и начал его с двух комнат. Теперь их восемь -- да еще небольшая оранжерея и большая мастерская, где дядя пишет свои картины, и застекленная веранда...

Одновременно со мной поселились у дяди в двух маленьких комнатах Марина Цветаева с мужем Сергеем и маленькой дочкой Алей. Они принадлежали к тем удивительным людям, с которыми дружили дядя Рудольф и мой двоюродный брат -- Владимир Александрович Рогозинский. Особенно Володя был дружен с Володиным и художниками Богаёвским и Кандауровым. Они часто приходили сюда, в маленький дом над феодосийским Карантином: поднимались по крутой и немощеной улице Феодосии или спускались по тропинкам с Феодосийской горы, после долгого пути пешком, прямо из Коктебеля.

Сколько раз мы совершали этот путь! Весной, когда еще зеленела трава, в ложбинах цвели темно-красные дикие пионы. Мы рвали букеты для Пра -- матери Максимилиана Александровича, Елены Оттобальдовны. После долгого пути по плоскогорьям и ложбинам вдруг раскрывалась долина Коктебеля. И на всю жизнь в памяти остался залив, замкнутый "зубчатым околом гор", с его чистыми, неожиданно яркими красками, ставший "нечаянной радостью" в жизни многих людей. Казалось, каждая покрытая щебнем тропинка в горах, облако, столбом встающее на горизонте, каждый куст, несмолкаемый прибой -- все здесь насыщено духовной, почти человеческой жизнью и мыслью. И нас, подростков, давно ждавших, когда же жизнь начнет показывать свои чудеса, она не обманула, показала нам эти места и поставила на нашем пути людей, о которых и сейчас знаешь, что были они - прекрасными...

После первых пасхальных дней 1914 года Володя повез нас на своей машине в Коктебель, к Волошину. Ослепительно белое симферопольское шоссе бежало по степи. Володя указывал на пронесившиеся мимо каменные тумбы с двуглавыми орлами, говорил: "Это Екатерининские версты"¹; указывая на невысокие железные столбы, поддерживающие уходящие вдаль провода, говорил: "Индийский телеграф"². В лицо дул сильно и незнакомо пахнувший ветер, и жизнь раздвигалась во времени и в пространстве. Машина свернула в сторону от шоссе и побежала по белой известковой дороге между невысоких холмов, поросших короткой травой. Скоро между двух холмов показался сияющий треугольник -- море. Мы приехали в Коктебель.